

ИРИНА КОТОВА

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

ОГНЕННЫЙ ПУТЬ
РАСКОЛОТЫЙ МИР

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

В оформлении книги использованы иллюстрации
Анны Ларюшиной, Вероники Ахулич, Алины Литиной и Евгении Козиной

Котова, Ирина Владимировна.
К73 Королевская кровь. Огненный путь; Расколотый мир / Ирина
Котова. — Москва : Эксмо, 2024. — 896 с.: ил.

ISBN 978-5-04-186893-2

Для Ангелины Рудлог нет ничего важнее долга. Ради спасения родных от проклятья она готова пройти дорогой памяти и пожертвовать не только жизнью, но и любовью к драконьему Владыке. К тому, кто равен ей во всем и не подчиняется ее воле, от кого она защищена только долгом, гордостью и яростью.

Но вся защита рушится, когда он на прощание принимает на себя ее бой. И становятся неважными гордость и обида. Тогда, как и полагается дочери Вечного Воина, приходится вооружиться клинком и по их осколкам пройти свой огненный путь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186893-2

© Котова И., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

Том 7

ОГНЕННЫЙ ПУТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Глухо рванула земля, в щит врезалось темное тело, заверещало — больше всего этот крик походил на плач маленького ребенка, и было это так жутко, что у видавших виды вояк волосы на голове шевелились.

— Еще одна тварь справа!

Вспышка, рев огня — и свалилась на снег бьющаяся в конвульсиях нежить, все еще пытаясь подползти ближе к желанной пище. Сержант Тёржок удовлетворенно выругался, потер грудь: от напряжения последнего месяца пошаливало сердце.

— Еще лезут! Лупи!

Вокруг лопалась мерзлая земля, вскрывая все новые могилы и выпускающая на свободу созревших тварей. Боевой маг, сопровождающая отряд, уже не участвовала в бою — она отдала почти все силы, — но без нее бойцы не справились бы с первой волной нежити. Молоденькая девчушка с испуганными глазами какие-то минуты назад давила нападающих Таранами, рассекала Лезвиями, жгла огненными Смерчами, пока не выдохлась. Сейчас ее хватало лишь на удержание и укрепление щита. А солдатам оставались только огонь и гранаты.

Отряд — три десятка бойцов с огнеметами, пожилой усатый и круглолицый сержант и армейский маг — медленно продвигался по заброшенному, поросшему кустарником кладбищу, и непрерывно, с гудением лилось во все стороны спасительное пламя, уничтожая взбесившуюся нежить...

Три часа назад в части раздался звонок: на проезжающую по тихой вечерней дороге машину с обочины выпрыгнуло нечто непонятное, разбило стекло и откатилось под колеса. Напуганные сообщениями в прессе граждане не стали проверять, кто там, тем более что свет фар высветил явно не человеческие фигуры, выбирающиеся из придорожного кустарника. Свидетели рванули оттуда что было сил и, отойдя от испуга, первым делом набрали полицию.

— Да сколько же их!

В зеленоватом сиянии осветительных ракет, медленно планирующих к земле, вставали над сугробами мрачные шестиугольные надгробия. А на них и между ними виднелись скользкие черные твари, по-

хожие на бульдогов. Урдовáры. Крупные, человеку по пояс, с широкой грудиной. Голова — одна сплошная четырехстворчатая пасть с зубьями-иглами в три ряда, задние лапы короткие, вывернутые — благодаря им твари прыгали далеко, отталкиваясь, как на пружинах. Пасти непрерывно раскрывались и закрывались, показывая черные сокращающиеся воронки из плоти — будто урдовáры постоянно сглатывали. И воняло от них тухлятиной и ацетоном. Как, богам на милость, бороться с теми, кому неведомы боль и страх? Кто существует только ради уничтожения живого, ради поглощения горячей крови и мяса?

— Занять оборону!

Опять ударили по ушам пробой открывающихся могил — и сержант выматерился, вытирая вспотевший на морозе лоб. Где же подкрепление? Опытному вояке было страшно, хотя это была далеко не первая зачистка. Слишком много нежити успело здесь переродиться и созреть. Слишком мало у него людей. Сержант Тержок посмотрел на волшебницу, выставившую вперед дрожащую руку, подмигнул, чтобы поддержать, — ой, не здесь тебе надо быть, девонька, детей бы тебе растить да за домом ухаживать — и скомандовал:

— Огонь!

Урдовáры словно ждали этой команды: с верещанием начали срываться с места и набрасываться на защиту, корчась в пламени. На горящих собратьев прыгали следующие: десятки тварей пытались проломить щит массой.

Сержант размахнулся, бросил в месиво из нежити гранату, присел, хотя в этом не было необходимости. Прогремел взрыв, и щит заляпало черными ошметками. Огляделся: его ребята сосредоточенно поливали урдовáров огнем. Бледная волшебница вцепилась в амулет-накопитель: бой шел уже больше двух часов, и от нее зависело, продержится ли отряд до прихода подкрепления или их всех сожрут. Полчища тварей все не заканчивались, зеленоватые пасти щелкали вокруг, царапая щит, издавая тоненький плач, и казалось, что все это — какой-то безумный кошмарный сон.

— Сержант, слышите?

Тержок повернул голову: с десятков тварей сорвалось с места и бросилось к выходу с кладбища, где раздавался шум подъезжающих машин. Вместе со светом фар в той стороне начало растекаться голубоватое сияние.

— Наконец-то. Подкрепление.

— Еще усилие, бойцы! Помощь идет!

Девушка с облегчением всхлипнула. Снова заревело пламя. Щит постепенно уменьшался — на ладонь, на две, — и сужался круг солдат. Еще

Урдовары

немного продержаться, и будет легче. Кто же знал, что обычный проверяющий отряд наткнется на такое гнездо урдоваров?

Через несколько минут ладони сержанта потеплели, а в душе начало разливаться спокойствие. Солдаты повеселели, то и дело оглядываясь на выход. Оттуда в окружении бойцов шел, загребая ногами снег, старенький и щупленький служитель Триединого, сосредоточенно бьющий в маленький колокол и что-то напевающий, — звон этот расходился от него голубоватыми волнами, и нежить замирала. Вяло трепыхалась на снегу, как засыпающая рыба, — и со следующим ударом растекалась черной жижей.

Две группы соединились и до утра чистили кладбище спасительной молитвой и огнем. Молитвой и спасительным огнем.

15 января, воскресенье, Иоаннесбург
День возвращения Марины из Блакории

Начальник разведуправления Рудлога Майло Тандаджи смело мог бы работать нянечкой в детском саду. Дети под его голос засыпали бы моментально. А те, которые не заснули, притворялись бы, что спят, дабы не сердить тидусса.

— ...Число проснувшихся кладбищ растет, но отработанная схема приносит свои плоды, — монотонно зачитывал господин полковник, и Василина едва удерживалась, чтобы не зевнуть. — Нежить уничтожают гораздо быстрее и с меньшими потерями. Прежде всего работа ведется в населенных пунктах. В Иоаннесбурге, например, уже прокалены огнем все кладбища. Однако существует реальная опасность распространения нежити из старых и забытых могильников. Известны случаи, когда крупные особи атаковали автомобили на дорогах, поезда на полустанках. Международная комиссия считает, что поднятие захоронений сдерживают холода и весной по всему миру разразится катастрофа.

Королева Василина кивала, прижимая руки к столу, чтобы не потереть глаза. Как она устала от этих катастроф!

День сегодня выдался тяжелый: с утра они с Марианом присутствовали на торжественных похоронах инляндской королевы Магдалены. Пришлось извиняться за отсутствие сестер перед Луциусом. Впрочем, ему, мрачному и немногословному, похоже, было все равно. После возвращения Василина привычно потянулась к Ани — проверить, где старшая сестра, — и растерялась, обнаружив, что она не на востоке, в гостях у Хань Ши, а гораздо южнее.

Не успела улечься паника, как позвонила сбежавшая в пятницу с Дармонширом Марина. С ней все было в порядке; хоть тут отлегло от сердца. И вот теперь плановое совещание: в стране чрезвычайное положение, и пусть сегодня воскресенье, отдыхать не положено, будь ты хоть сто раз королева. Провела три дня полнолуния в поместье Байдек — и изволь дальше работать на благо страны.

— Между армейскими подразделениями поделены зоны ответственности, во всех есть маги, работа идет. Также обнаружена эффективность отчиток на кладбищах жрецами Триединого. Неизвестно, навсегда ли кладбище утихомиривается или на какое-то время, но нам, сами понимаете, ваше величество, любая отсрочка важна. К сожалению, не все служители обладают достаточной молитвенной силой, но по просьбе Его Священства те, кто способен помочь, временно оставили посты в храмах и монастырях и поступили в распоряжение частей.

Хочу сказать, что это, помимо чисто практической пользы, поднимает и боевой дух солдат.

Королева кивнула и пометила для себя поблагодарить Его Священство за помощь.

— Также вступил в действие ваш указ о кремации умерших, — продолжал Тандаджи. — Конечно, это не очень популярная мера, но пресса гудит о нежити, и народ в большинстве своем относится к указу с пониманием.

— Спасибо, полковник. — Василина украдкой скинула под столом туфли и вытянула ноги.

Совещание с участием военного руководства и начальников внешней и внутренней разведки шло уже третий час. Присутствовал тут и пытающийся незаметно накастовать себе бодрости похмельный придворный маг.

Одна радость: рядом был Мариан. Слушал, делал себе пометки. Потом они обсудят все наедине, и у нее в голове наступит ясность.

— Господа, я рада, что все понимают серьезность нынешней ситуации. Моя настойчивая просьба: провести серию проверок в подразделениях. Не хочется, чтобы из-за халатности кого-то из командиров мы получили неконтролируемый район.

Военные смотрели на нее с почтительной вежливостью, и королева, как всегда, подавила в себе самоедские мысли: «Кому ты приказываешь — тут все куда компетентнее тебя».

— Господин Кляйншвитцер. — Придворный маг поднял на нее глаза. — Что с нашим семейным кладбищем?

— Проверяю каждую неделю, ваше величество, — ответил Зигфрид. — К тому же гвардейцы постоянно его патрулируют. — Мариан кивнул, подтверждая. — Там все чисто. Я уже говорил: похоже, огненная кровь бережет ваших родных.

Королева успокоенно кивнула.

— Игорь Иванович? — позвала она.

— В других странах, кроме Йеллоуиния, те же проблемы, что и у нас, — отчитался Стрелковский. — Захоронения вскрываются все чаще, армия занята купированием ситуации. Только у Желтых затишье, случаи поднятия кладбищ можно пересчитать по пальцам, и все в отдалении от столицы. Также не зафиксирована нежить на храмовых и монастырских землях.

— Что с возможными открытиями порталов, из которых появляются насекомые-чудовища? — поинтересовалась королева.

— В тех районах, где ранее видели порталы, установлены камеры, способные уловить стихийные возмущения, — ответил Тандаджи. —

Этим занимается рудложский отдел международного МагКонтроля, они активно сотрудничают с нашим МагСоветом. Пока все тихо. Ни порталов, ни чудовищ. Но камеры — это капля в море, и в этот самый момент вполне могут открываться порталы, которых мы не видим.

— Из других государств пока тоже не поступало информации, — добавил Стрелковский.

— Есть ли возможность справиться с этими тварями немагическими способами?

— Оборонные заводы получили заказ на боевые листолеты и танки, ваше величество, — пояснил министр обороны. — Но в деле они еще не проверены. По нашим прогнозам, на основании анализа брони тха-охонга мощности оружия должно хватить для поражения подобных ему существ.

— Хорошо. — Василина сделала еще одну пометку: «посетить испытания», подняла голову. — Вы свободны, господа. Полковник Стрелковский, полковник Тандаджи, господин Кляйншвитцер, вас прошу задержаться.

Генералитет, министр обороны с помощниками, глава МагСовета, чья должность была выборной и равнялась министру магии, поклонившись, вышли, провожаемые печальным взглядом придворного мага. Зигфрид едва слышно вздохнул и уставился остекленевшим взглядом в стол.

Василина подождала, пока закроется дверь, и чуть расслабилась.

— Удалось выяснить у драконов, где моя сестра Ангелина? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Драконы исчезли, ваше величество, — с привычной невозмутимостью доложил Тандаджи посмурневшей на глазах королеве. — С утра все, кто был в Теранови, поднялись в воздух и улетели, не предупредив. Их половина дипкорпуса пуста.

— Спасибо, полковник, — хмуро проговорила королева. — Что скажете, Зигфрид?

— Я не могу пробиться к ней, моя госпожа, — с едва уловимым отчаянием сообщил Кляйншвитцер. — При всем моем опыте защита вокруг Песков этого не позволяет.

— Есть кто-то, кто может? — поинтересовалась королева. — Может, Александр Свицерский?

— Мы обращались к нему, когда ее высочество была похищена, — вмешался Тандаджи. — Он попытался, но не смог установить связь. Но если пожелаете, я попрошу его попробовать еще раз.

— Попросите, — согласилась Василина и вздохнула. — Я говорила с Хань Ши, он утверждает, что Ангелина ушла в Колодец и из него не

возвращалась. Каким образом она могла оказаться в Песках, он не объяснил, но сказал нечто вроде: «Сила Колодца велика и нашему разуму недоступна». Так что вся надежда — на Александра Даниловича.

— Если и он не поможет, рекомендую найти Алмаза Григорьевича Старова, — осторожно заметил Стрелковский. — Но это трудно, его обычно не застать дома.

— Да, — грустно проговорила королева. — Сообщаю вам также, что принцесса Марина возвращается во дворец. Полковник Тандаджи, полковник Стрелковский, я сожалею, что в пятницу была резка с вами.

Полковники, вызванные в пятницу в поместье Байдек и получившие гневный выговор за то, что упустили третью Рудлог, молча склонили головы.

— На этом, видимо, все, — сказала Василина, и Зигфрид встрепенулся, с надеждой уставившись на королеву. — Господин Тандаджи, жду от вас ответа Свицерского. До встречи, господа.

Марина появилась из дворцового телепорта незадолго до ужина. Забежала к Василине, обняла ее, прошептала: «Прости. Я была в безопасности». Опустила глаза перед внимательно разглядывающим ее Марианом Байдеком. Ноздри его дрогнули, и он едва заметно покраснел. То ли от гнева, то ли от смущения.

Впрочем, даже не обладай он берманским нюхом, понять, отчего так тиха и испуганно-улыбчива третья Рудлог, отчего так туманны ее глаза и воспалены губы, было несложно.

Марина убежала, отговорившись тем, что очень устала и голодна, а принц-консорт поцеловал жену в висок и сообщил, что уйдет на полчаса по важному делу. И обязательно вернется к ужину.

— Мариан, — с укоризной попросила королева, — не нужно.

— Нужно, — коротко ответил Байдек и направился к телепорту, откуда недавно вышла Марина. Василина только вздохнула — здесь она не имела власти. Да и мог ли он поступить иначе?

Принц-консорт, которому и довелось сообщить жене новость о Марианином побеге, шел по коридору, вспоминая, как утешал супругу, мечущуюся, злую, стараясь не обернуться, — и как до боли сжимала она его плечи и рычала не хуже медведицы: «Мариан! Ну за что она так со мной?! И почему именно Дармоншир? Из всех мужчин, которые были бы счастливы составить ей пару, она выбрала того, кто потекает худшим ее качествам. И как мы за ней не уследили?!»

«Невозможно остановить того, кто хочет уйти, Василек, — сказал Байдек чуть позже, раздувая ноздри и зализывая ее слезы. Пахло от жены, как всегда в эти дни, будоражаще, и во рту сами собой появлялись клыки

и по холке вниз начинала пробиваться шерсть — предвестники оборота. — Во всяком случае, я уверен, что Дармоншир не причинит ей зла».

Уже потом, обессиленная своим гневом, она послушно улеглась рядом, прижалась к нему и пробормотала: «Пусть совершает собственные ошибки. Я умываю руки. Не хочу, чтобы она потом кричала, что у них проблемы из-за меня».

Марина, с ее сумасбродностью и отчаянностью, не могла отвечать за свои поступки. А вот тот, к кому шел принц-консорт, должен был уберечь ее. Обязан был сдерживать себя. Как мужчина и как дворянин.

В Дармоншир-холле Байдек появился через несколько минут. Приказал дворецкому проводить его в покои герцога — у бедного старика даже не нашлось слов, чтобы отказать. Поднялся по лестнице, вошел без стука.

Небрежно брошенная на кровать одежда, запах табака, шум воды в душевой. Байдек остановился; терпения ждать у него хватало всегда.

Люк появился скоро — с мокрыми волосами, в полотенце, обернутом вокруг бедер. Увидел барона, понимающе усмехнулся.

— Надеюсь, вы позволите мне надеть штаны, ваше высочество?

— Позволю, — ровно ответил Мариан, закатывая рукава рубашки.

— А закурить? — продолжал ерничать герцог.

— Обойдетесь, ваша светлость.

Люк оделся, помял левое плечо, чуть поморщился и поклонился.

— Я к вашим услугам, барон.

Бил Байдек жестко и страшно. Через пару минут Дармоншир уже не двигал левой рукой и судорожно вздыхал, пытаясь прийти в себя после удара под дых. Еще через некоторое время поднимался, уцепившись за стул и слизывая с губ кровь. И, как всегда, не просил пощады.

И увернуться не пытался — снова атаковал, нарывался на кулаки, с глухими стонами отшатывался после ударов. Самого Байдека задел всего пару раз — но что боевому офицеру разбитый нос и шум в ушах?

Наконец Люк упал на ковер, перевернулся, оставляя после себя кровавые пятна, оскалился, стараясь подняться. Не получалось.

Мариан встал над ним, наблюдая за попытками опереться на руку.

— Я просил тебя не трогать ее, — сказал принц-консорт спокойно и чуть глухо. — Не бесчестить. У тебя есть обязательства перед ее сестрой, у тебя есть титул, который накладывает ограничения. Она — не та, с кем можно просто переспать. Если у тебя осталась хотя бы капля чести, ты возьмешь ее в жены.

Люк в конце концов сел, со смешком вытирая кровь с лица, и Мариан, оглянувшись, взял со стола салфетку, бросил противнику. Тот прижал ткань к разбитой брови и все-таки встал, потряс головой.

— Я, — произнес герцог очень внятно, — могу повторить только то, что я уже говорил, барон. Это не ваше дело. Не лезьте сюда.

— Все, что касается семьи Рудлог, — мое дело, — так же ровно ответил Байдек. — Их некому защитить, кроме меня.

Веселая наглость в глазах его светлости сменилась задумчивостью. Принц-консорт, коротко кивнув, отправился к выходу, на ходу расправляя рукава рубашки.

— Я предложил ей замужество, — неохотно произнес Люк ему вслед.

— Отказалась? — поинтересовался Байдек, не оборачиваясь.

— Да. Не вмешивайся, — Дармоншир помолчал и добавил с трудом: — Прошу.

Барон взялся за ручку двери, повернул ее.

— Ты все равно поступил не по чести.

— Да, — не стал спорить Люк.

— Исправь это.

Дверь открылась; за нею стоял бледный дворецкий, держа в руках поднос с чаем.

— Думаю, — вежливо проговорил Мариан, пропуская слугу в покои, — его светлости сейчас предпочтительнее врач.

Позади раздался хриплый смех — и Байдек едва удержался, чтобы не покачать головой. Ну и родственничка ему сулит судьба. И какой же удивительной стойкостью наделили боги этого человека... наряду с не менее впечатляющим набором недостатков.

Василина, увидев потрепанного мужа, не сказала ни слова. Принесла мокрое полотенце ему на нос, погладила кисти со сбитыми костяшками и позвала виталиста. К ужину Байдек был уже в форме: зашел в детскую, подхватил мальчишек на руки и направился в столовую.

Вечернее застолье прошло с привычным уже привкусом тревоги за кого-то из семьи. И, как всегда, они изо всех сил делали вид, что все хорошо, — будто эта оживленность и легкость могли убедить судьбу, что и с Ани, и с Полей ничего страшного не происходит. И что бы ни случилось, в конце концов семья снова будет сидеть за общим столом и болтать обо всем на свете.

А пока можно притвориться, что все в порядке.

Болтали маленькие принцы, лепетала в своем кресле уже пытающаяся встать Мартинка. Святослав Федорович рассказывал о поездке в поместье, о том, как обживаются там бывшие соседи, Валентина с детьми и матерью, и Каролинка, ездившая с ним, оживленно кивала, вставляя реплики, и что-то черкала вилкой на салфетке. Алина поела

очень быстро и убежала дальше готовиться к экзаменам; ее провожали жалостливыми взглядами, в которых тем не менее сквозила гордость. А принцесса Марина была непривычно, до кротости, тиха и рассеяна — и только иногда в ее глазах загорались веселье и лукавство, и губы норовили расплыться в улыбке.

И эта улыбка так напоминала королеве собственное мечтательное состояние много лет назад, что она не могла не любоваться сестрой. И старалась прогнать тревогу за ее выбор подальше.

В этот вечер телефонная связь между Инляндией и Рудлогом дрожала от затаенной нежности и разрывалась от невозможности передать словами желание быть рядом, вжаться друг в друга. Уткнуться и общаться синхронным дыханием и стуком сердец, легкими прикосновениями и теплом, согревающим в самую холодную зиму.

— Тебя не съели?

— Нет. Даже не покусали. Что делаешь?

— Думаю, что пора выкрасть тебя еще раз.

Смешок.

— Ни капли терпения у вас, ваша светлость.

— Неправда. Если бы это было так, я бы тебя не отпустил.

Пауза и волнующий шепот:

— Может... может, и не нужно было.

— Марина, — опасные нотки в хриплом голосе, — я в течение двух часов буду у тебя.

Вздых — и провокационное:

— А ты можешь?

— Я все могу.

— Нет. Не нужно, Люк. Дождемся Ани.

— Ты теперь правильная девочка?

— Ну... нужно хотя бы попытаться.

Приглушенный, царапающий сердце смех.

— Попытаемся. Спокойной ночи, принцесса.

— Спокойной ночи, Люк.

Хорошая девочка Марина, положив трубку, с той же рассеянной улыбкой и ощущением щемящей нежности в сердце побрела в ванную. Ноющее тело требовало горячей воды.

А его светлость Люк Дармоншир кивнул заглянувшему виталисту, который вышел на время разговора, затем поджег сигарету, закрыл глаза и затянулся разбитыми губами. И поморщился, когда начало пощипывать и тянуть в снова онемевшей после встречи с Байдеком левой руке.

Тот же день, монастырь Триединого

Александр с утра в воскресенье появился у кровати Катерины, напугав ее до полусмерти. Несколько раз моргнул недоуменно — глаза были красные, воспаленные, — извинился заплетающимся языком и принялся открывать Зеркало к себе.

Катя помаялась, глядя, как наливается серебром портал, встала и потянула Свицерского в постель. Пахло от него жженой сладковатой травой, как от осеннего костра.

— Не хотел тебя пугать, — пробормотал он, уже засыпая.

— Ничего, — тихо ответила она, — спи.

Катерина полежала с ним немного, прислушиваясь к себе и улыбаясь воркованию голубей под крышей, прижалась, погладила мага по голове и снова задремала. Через часок проснутся дети, а пока можно и понежиться здесь, в тепле и безопасности.

Александр, несмотря на дикую занятость, не забывал о ней, и Катерина каждый раз встречала его чуть настороженно и смущенно, греясь о расцветающую внутри радость. Свицерский рассказывал о делах учебных, с удовольствием ужинал с ней и детьми, показывал простейшие плетения, приносил учебники и даже договорился с несколькими преподавателями, чтобы те днем приходили и обучали Катю по программе первого курса университета.

Дочери Симоновой тоже привыкали к нему — и пусть не встречали дядю Сашу таким же восторженным визгом, как иногда заглядывающего обожаемого дядю Мартина, но быстро смекнули, что частый гость знает ответы на все вопросы, и мучили его после ужина своими «почему», перебивая друг друга. Александр не сюсюкал и не дурачился, но умел объяснять так, что и маленькой Аниютке все было понятно.

Иногда, уставший и измотанный после рабочего дня и встреч с Алмазом, он задремывал у них в гостиной на диване, ожидая, пока она уложит детей спать. И тогда Катерина, как примерная жена, стягивала с него обувь, подкладывала под голову подушку, укрывала — и уходила в свою комнату одна.

Они так и не были вместе после событий в пещерах. Алекс не торопил и не настаивал, а Катя, скучающая по его крепким рукам, все никак не могла решиться и позвать его в спальню под теплой крышей храмового дома. Так что они пока обходились тихими разговорами на ночь и осторожными, редкими поцелуями.

Но несмотря на отсутствие близости, Катя ощущала, как спокойнее ей становится, — и отмечала в зеркале, что уходят и горестные складки у рта, и привычка чуть склонять голову при разговоре. Александр

оказался тем самым столпом уверенности, которого ей так не хватало. И единственное, чего она боялась сейчас, — что опять случится какая-нибудь беда и ее жизнь снова перевернется.

Александр проснулся во второй половине дня от звонка телефона. Потянулся к трубке, зевнул. В окно лилось яркое и радостное зимнее солнце. Сверху, над потолком, деловито ворковали голуби, слышен был сыпучий шорох падающего снежка, и спалось здесь, на природе, где поблизости не было ни одного крупного города, куда слаще и крепче, чем в Иоаннесбурге.

— Да?

— Александр Данилович, добрый день. Это Тандаджи.

В голосе тидусса Свицерскому послышались какие-то обреченные нотки.

— Нужна помощь, полковник?

— Как всегда, Александр Данилович, как всегда. У нас проблема. Принцесса Ангелина опять в Песках, и, к сожалению, не удастся установить с ней связь. Вы не могли бы попробовать открыть к ее высочеству портал? Да, я помню, что у вас не получалось, но, кроме вас, не к кому обратиться...

Александр вспомнил Макса, шастающего туда-сюда сквозь Стену Песков, как из кухни в гостиную, Мартина, который от дурусти великой проверял себя — и ведь получилось! — и решил, что самое время снова попробовать. Когда он пытался сделать это в прошлый раз, то был в теле старика и сознательно сливал резерв. А сейчас силы не только восстановились, но и возросли благодаря магическим битвам и встречам с Алмазом Григорьевичем, где приходилось выкладывать-ся до предела.

— Подождите пару минут, господин Тандаджи. Я постараюсь вам помочь.

Но то ли ночные бдения с Алмазом не прошли даром, то ли он переоценил себя — выстраиваемый на ее высочество переход шел волнами, рассыпался серебристой пылью и не поддавался, как Свицерский ни лил резерв и ни старался стабилизировать его.

— Увы, — с тяжелой досадой сказал он в трубку через некоторое время, — не вышло. Но я знаю того, у кого должно получиться. Перезвоню вам, полковник.

— Буду очень благодарен, Александр Данилович, — степенно ответил тидусс и отключился.

Свицерский еще раз потянулся, набрал номер Макса и, поднявшись, подошел к узенькому окну. Там, во дворе, под солнцем и неизвестно от-

куда падающим снежком, носились Катерина с дочерью. Успели уже слепить кривоватую снежную горку — сугробы выросли огромные — и катались с нее. Герцогиня в яркой вязаной шапочке и толстой лыжной куртке выглядела очень юной. Заметила его в окне, неуверенно улыбнулась и помахала рукой. И он тоже поднял руку в ответ, слушая гудки.

Макс, видимо, опять работал в лаборатории в наушниках, и дозвониться до него, пока природник не выйдет из исследовательского транспорта, было невозможно.

Алекс сунул телефон в карман и ушел к себе домой, в Иоаннесбург. Надо хоть показаться на глаза слугам, пока не начали думать, что он пропал. Принять душ, переодеться — и обратно сюда. Может же он позволить себе немного отдохнуть? Особенно после того, как переусердствовал ночью, чуть не оставшись в надпространстве.

За прошедшие с памятной битвы в вулканической долине две недели ректор МагУниверситета не имел ни минуты покоя.

Во-первых, пришлось держать ответ перед комиссией международного МагКонтроля с приглашением глав служб безопасности всех стран Туры: появляющиеся из порталов чудовища другого мира и предполагаемая опасность для держателей тронов были весомыми аргументами, чтобы проблема обсуждалась на самом высоком уровне. Макс на заседание идти отказался.

— Вы видели то же, что и я, — сухо пояснил он, — только время потеряю. Если у уважаемых коллег останутся вопросы, пусть приходят ко мне сами. Я отвечу. Но тратить время на бесконечные пустые разговоры не собираюсь.

Вики в этот день сопровождала короля Инляндии, Мартин — короля Блакории в совместной поездке, и пришлось Алексу отдуваться за всех, рассказывая и о похищении, и о роли Черныша в прошедших событиях, и о бое с чудовищными «стрекозами». Теперь Данзана Оюновича и его сообщников искали и магическая полиция, и секретные службы по всей Туре — но, увы, безрезультатно.

Во-вторых, Алмаз Григорьевич, уязвленный в самое сердце противостоянием с давним другом-соперником, тоже прикладывал немалые усилия по его поиску — и привлекал к этому Алекса, параллельно обучая его. Так что почти восьмидесятилетний Свицерский снова чувствовал себя студентом у ворчливого преподавателя.

Черныш сотоварищи как сквозь землю провалились. Хотя почему как — скорее всего, они и находились под землей, там, где стихийные колебания и узорность помещений не позволяли на них сориентироваться. Или же Данзан Оюнович окружил себя множеством глушилок, экранящих поиск.

— Нужно найти его, пока он еще что-нибудь не удумал, — бухтел Алмаз Григорьевич, подготавливая инструменты для очередного ритуала. — Слишком уперт всегда был, слишком уверен в своей правоте. Хоть поговорить с ним, постучать по дурной голове.

И Алекс после рабочего дня в университете отправлялся к старому ворчуну, вдыхал дым травяных, расширяющих сознание сборов или чертил на ладонях, ступнях и висках усиливающие концентрацию знаки — и вместе с ушедшим в транс учителем «перебирал» мир, пытаясь уловить тонкую вибрацию ауры Черныша.

Поговорить с Данзаном Оюновичем удалось только сегодня ночью. Точнее, говорил Алмаз, а Александр парил в надпространстве, удерживая канал и глядя, как идут навстречу друг другу, сшибаясь и переплетаясь, желто-сине-фиолетовые ментальные волны. Но если у них с Троттом сил хватило только на отрывочные слова-сигналы и короткие предложения, то у старых магов получился вполне себе развернутый разговор.

«Черныш».

«Все не угомонишься, Алмазушко?»

«Чего ты хочешь?»

«Предотвратить конец мира и конец магии, друг. Вернуть в мир бога».

«Почему ты не обратился ко мне? К нам?»

«С твоим чистоплюйством ты предпочтешь ничего не делать и ждать катастрофы. А остальным, кроме их исследований, ничего не интересно».

«Ты понимаешь, что порталы опасны? Что эти чудовища нанесут не меньше вреда, чем исчезновение магии?»

«Чудовищ можно уничтожить. Популяция людей восстановится. А Тура без магии станет местом без будущего. Подумай. У тебя тоже не будет будущего, Алмаз».

«Но у вас не получилось. Портал открылся, но ничего не изменилось. Вполне возможно, что ты ошибаешься. Что нет там никакого Жреца».

«Возможно. Не получилось, да. Но я предпочитаю пробовать дальше».

«Ты фанатик, Данзан».

«О нет, друг мой. Я — тот, кого никогда не признают героем. Мы сделаем то, что потом лицемерно назовут ужасным и антигуманным. Уже называют. Но именно мы спасем этот мир».

«Что вы задумали?»

«Не считай меня идиотом, Алмаз. Я не дам вам возможности остановить нас. Прощай, друг».